новинки издательств
рассказы о писателях
история книг

КНИГА В МОСКВЕ

литературные встречи
библиотеки города
опросы и аналитика

№8

(662)
14 мая 2012 года

Реальная жизнь «поэтического цеха».

Виктор Гюго – знаток человеческих чувств.

Музыка времени Иштвана Эркеня.

проза

Как молоды мы были

«Тайна переписки» - так назвал свой роман **Валентин Маслюков (издательство «Книжный Дом»)**. Он вышел в серии «Любовный роман» и, хотя посвящен, конечно, высокому

чувству, к счастью, резко отличается от того, что мы, собственно, имеем сейчас в литературе в таких вот «любовных» сериях. Нет, конечно, именно о любви ведет речь писатель, этому высокому чувству предаются его герои - кто в мечтах, за письменным столом, склоняясь над листом бумаги, кто в девичьих грезах, а кто и подсчитывая барыши от очередной сделки по продаже родины в виде вагонов с оцинкованным железом, проведенным по документам как металлолом. Короче, каждый из героев, находясь на своей жердочке, все-таки размышляет о прекрасном чувстве, по-своему переживает его и расстается с ним.

Как вы понимаете, автор складывает любовный треугольник, но какой-то необычный. Его участники едва знакомы, но уже так крепко связаны, что не могут обойтись друг без друга. Судите сами: некий Трескин, бизнесмен периода первоначального накопления, вовремя ухватывает за хвост свою удачу: мало того, что папа - большой начальник - помогает и прикрывает, где надо, так он еще оказывается постоянно в нужном месте, под рукой у еще большего человека. Трескин умеет давать взятки, «делать уважение» за богатым столом нужному лицу, деньги меряет портфелями (дело-то происходит в лихих 1990-х, по которым, как ни странно, некоторые испытывают ностальгию), «рассекает» по городу на крутой по тогдашним меркам машине (с ума сойти, аж «Ниссан»!), купается в женском внимании со стороны на все готовых помощницы и секретарши (описание богатого по тогдашним меркам офиса тоже вызывает улыбку). Словом, этакий сынок-везунчик. Все к его услугам, но однажды он встречает умную и интеллигентную девушку, которая оказывается ему не по зубам. Понимая, что он явно не дотягивает до ее уровня, хитрый Трескин решает вопрос кардинально: нанимает за баксы не самого глупого писателя, чтобы он сварганил «роман в письмах» с девушкой и, конечно, самим Трескиным в главных ролях... Вот оно, золотое время пера и бумаги, косо написанных трепетной рукой взволнованных строк, почтовых отправлений и тихих телефонных переговоров в ночи, за закрытой дверью на кухне, пока папа с мамой спят. Да, это тебе не время интернета, сплошная романтика!..

Но Валентин Маслюков, хотя и понимает толк в любовной переписке, наделяя героев тонким чувством стиля и меры, тем не менее силен в этой книге все-таки не этим. В романе, посвященном любви, он создает великолепный образ времени, и несмотря на то, что влюбленные девушка-интеллектуалка и молодой писатель по-своему хороши, ушлый коммерсант Трескин и его окружение явно удались автору лучше. Масляков находит много ярких красок в описании сделок прохиндея, создает запоминающиеся образы его работников (чего стоит главбух Нинка с ее смешной неформальной лексикой). Да и само время, когда многое было в новинку, непонятно, но как-то захватывающе и страшновато прекрасно, Валентину Маслюкову удалось передать по-настоящему верно и стилистически очень точно. От того и книга получилась интересной, не проходной, читаешь ее с удовольствием (а интрига «держит» до самого конца), сочувствуешь героям и радуешься тому, что были все-таки романтически настроенные акулы бизнеса, бескорыстные девушки и талантливые молодые ребята, которые в конце концов предпочли высокие чувства достаточно большим и совсем не лишним деньгам.

Елена ПЛАХОВА.

В стиле ретро

пережитое

«Сегодня я думаю: когда начиналось это почти невыносимое ретро - взгляд, обращенный в собственное прошлое, причем не мемуары и не воспоминания, а нечто, полное сумрака и озноба прожитой почти без остатка жизни? В самом деле, когда? Этот вопрос возникает вновь и вновь - и нет на него ответа», - размышляет автор книги **«Ретроман, или Роман-ретро. Мемуары поэта» (издательство «МИК»)** о литературных ликах минувшего столетия. **Сергей Мнацаканян** - известный поэт и коренной москвич. Потому в герои своей книги он выбрал, в основном, живших и творивших рядом с ним москвичей - поэтов и прозаиков, десятилетиями определявших сознание нашего общества. Среди них - Андрей Вознесенский, Римма Казакова, Валентин Катаев, Леонид Мартынов, Александр Межиров, Анатолий Рыбаков, Владимир Соколов, Николай Тряпкин...

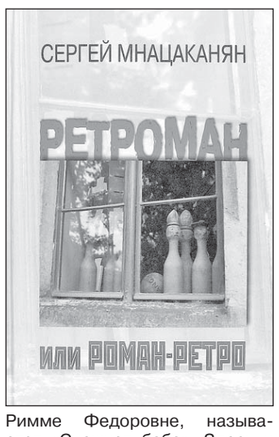
Сегодня мы наблюдаем бум мемуаристики. Различные воспоминания, автобиографии, записки и прочие документальные тексты буквально наводнили книжное и газетно-журнальное пространство, немало потеснив художественную литературу. В этом есть своя закономерность. Читатель устал от «выдумок», нередко оборачивающихся бессмысленными «придумками» и бесплодными фантазиями. Однако нынешняя «литература факта» тоже нередко внушает сомнение: ведь за мнимым документом может таиться та же выдумка-придумка, еще пуще - в силу своей кажущейся достоверности - вводящая нас в заблуждение.

«Ретроман» С. Мнацаканяна внушает доверие сразу по нескольким параметрам. Во-первых, автор - личность в литературных кругах популярная, и его знакомство со всеми писателями, о которых он с таким тщанием, а порой и открытой любовью поведал нам в своей книге, не внушает сомнений. Оценки его объективны, взгляд доброжелателен - он не стремится выкопать жареные факты, чтоб посмаковать их с падким на скандалы соглядатаем. Более того: мы имеем дело с прозой поэта, и потому всякий изложенный им факт пропущен сквозь сердце, душу, незримые миру слезы. Ведь пишет С. Мнацаканян в основном об ушедших своих товарищах по цеху, дорогих не только ему, но многим их читателям и поклонникам.

Сам будучи стихотворцем, он и в герои своей книги выбрал все-таки больше поэтов, чем прозаиков. Но это - не только дань памяти той или иной знаковой личности. Скорее автором движет стремление запечатлеть - через памятные зарисовки отдельных лиц, событий, воспроизведение незаписанных строк - стиль эпохи, недавно от нас ушедшей и уже ставшей неповторимой. Перед нами не просто свод разноликих - радостно-просветленных и скорбных, страстно-резких и деловито-точных - воспоминаний о былых властителях дум, но и попытка их автора выйти на историософские обобщения. Осмыслить - через правду литературного и жизненного факта - сущность минувшего, которое еще вовсе не познано нами, его как-то впопыхах отторгнувшими, попытавшимися наскоро позабыть. И, верно, есть своя мудрость и смелость в самой попытке идти таким путем: в стремлении проникнуть в суть ушедшей цивилизации через память о тех, кто остро реагировал на ее проявления, оголенной душой принимая на себя ее беды и радости, видимое всем и скрытое ото всех...

Выразительно, с пониманием написал мемуарист портрет легендарного поэта Андрея Вознесенского. Когда-то, а именно 29 декабря 1969 года, он был представлен Андрею Андреевичу и подарил ему свою первую книгу. С тех пор у мэтра и Сергея Мнацаканяна, тогда еще новичка в поэзии, завязались теплые творческие и дружеские отношения, что позволило почти через сорок лет создать эссе, посвященное выдающемуся поэту второй половины XX века.

Нельзя не отметить созданный автором образ Риммы Казаковой, всенародно любимой поэтессы, не только создателя стихов и песен, которые запоминались немедленно на просторах всей России, но авторитетного общественного деятеля и одновременно ранимой женщины. Очерк, посвященный



Римме Федоровне, называется «Снежная баба». Здесь и хрупкость, и нежность, и одновременно это название поэтической книги поэтессы, когда-то подаренной еще молодому поэту Сереже Мнацаканяну в шуме ЦДЛа.

Но одно дело вспомнить знаменитых любимцев эпохи - таких, как Павел Антокольский, Арсений Тарковский или Николай Глазков, с каждым из которых у автора связана та или иная история, другое дело обратиться памятью к малоизвестным поэтам второго, что называется, или третьего ряда, вспомнить абсолютно забытых сегодня стихотворцев, которые тоже надеялись на известность, на внимание, на память и в конце концов на посмертную жизнь в своем творчестве: это тот шаг, на который способны немногие мемуаристы. Сергей Мнацаканян делает этот шаг, и перед нами оживают портреты литературных персонажей, лица которых подернуты забвением.

Думается, особый интерес для москвичей представит описание литературных мест столицы, без которых картина отечественной словесности тех лет была бы неполна. Это и знаменитая Лавка писателей на Кузнецком, где мастерам слова предоставлялась возможность приобрести для работы редкие в то время издания, и легендарный Дом литераторов (ЦДЛ) с его популярным «Пестрым залом», испещренным автографами знаменитостей. Воспоминание «Седьмой этаж» посвящено уникальному учебному заведению - Высшим литературным курсам Союза писателей СССР (своего рода «курсам повышения квалификации»). Дружеские и творческие связи здесь завязывались на всю жизнь.

Иными словами - перед нами книга, замечательная по фактическому материалу, по охвату судеб и времени действия, по непридуманным реалиям десятилетий нашей литературной жизни...

«Так получилось, что в бывшем СССР за десятки лет диктатуры возник особый, невиданный ранее образ жизни, - подводит итоги автор. - Почему-то так получилось, что поэзия стала одним из приоритетных направлений этой жизни. Возможно, так подменялась религия, какие-то нехватки духовной жизни общества. Но так или иначе, это было очень по-русски: быть поэтом значило - наверняка быть Человеком... Конечно, это не совсем так и даже совсем не так, но многим хотелось в это верить. Поэтов уважали. Любили. Ценили. Невольно запоминали наизусть. Да и просто читали...

Сегодня я понимаю, что мне удалось не только прикоснуться к людям и хитросплетениям эпохи, но и быть активным участником того, что происходило в общем времени нашей жизни. Это редкое счастье, какое судьба может подарить человеку».

Конечно, Сергей Мнацаканян отнюдь не идеализирует прошлое - он показывает нам реальную жизнь «поэтического цеха» своего времени со всеми его противоречиями, недостатками, иллюзиями. Он пишет о живых людях, о столкновениях и драмах во многом забюрократизированной жизни.

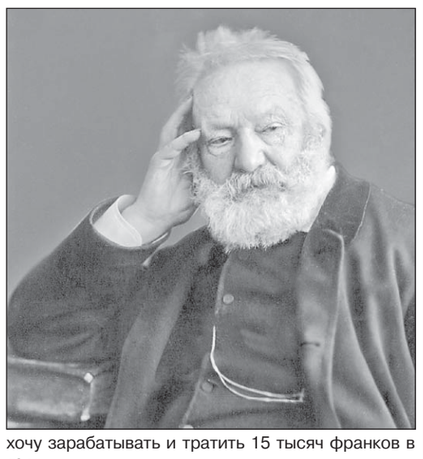
Остается добавить, что текстовая часть «Ретромана» снабжена отдельным фоторазделом, где собраны остановленные мгновения этой жизни, - в ликах людей, ее свершавших и во многом возвышавших. А заключает пестрый свод воспоминаний и фотоиллюстраций к ним - раздел, где С. Мнацаканян представил на наш суд свои стихи об искусстве поэзии, которое, по его версии, «существует / независимо от забытья и забвенья, / бессовестно мешает спать / и заниматься коммерцией, / манит и сияет / из своего несбыточного будущего...»

Алла БОЛЬШАКОВА.

судьбы

Человек-океан

Исполнилось 210 лет со дня рождения Виктора Гюго. Классик французской литературы. Он был очень популярен в СССР: самый издаваемый иностранный автор в советской стране. Прибавьте к этому восторг от многочисленных экранизаций его произведений. Гюго нам близок. Он душевный и понятный.



Виктор Гюго - неисправимый романтик в литературе и жесткий реалист в жизни. Несочетаемые черты в нем прекрасно сочетались. Сам Гюго утверждал: «Человеческая душа нуждается в идеальном больше, чем в реальном. Без реального нельзя существовать, без идеального нельзя жить. В чем же разница? Животное существует, человек живет».

Жить по Гюго - это писать книги, и он был весьма плодовитым автором. В 14 лет он провозгласил: «Хочу быть Шатобрианом или никем», и со временем он превзошел французского классика Франсуа Шатобриана, написав огромное количество стихов, пьес, романов, критических и публицистических статей.

Он рано научился писать и сочинять. Еще на школьной скамье получал награды на литературных конкурсах за оды, выдержанные в стиле классицизма. Первый поэтический сборник «Оды и разные стихотворения» вышел в 1822 году (Гюго было 20 лет). Но рамки поэта для Гюго были слишком узки, и он обратился к драматургии. В одной из первых драм «Кромвель» он бросил вызов Шекспиру, который строго делил жанры на трагедии и комедии. Гюго их смешивал: комическое с трагическим, красоту с безобразием, возвышенное с низменным. Настоящим триумфом Гюго как драматурга стала драма «Эрнани», поставленная на сцене в феврале 1830 года, в канун революции. Благородный разбойник Эрнани против тирании королевской власти. Его образ воспринимался как живое воплощение передовых идей.

За «Эрнани» последовали другие театральные произведения Гюго: «Марион Делорм», «Король забавляется», «Рюи Блаз», «Мария Тюдор» и другие драмы Гюго, в которых были выражены страстные поиски человечности, скорбная экзальтация, непримиримость к злу. Гюго умел воспламенять сердца зрителей и будоражить их головы. Это отлично понимала царская цензура в России, и поэтому драмы Гюго долгое время находились под запретом. За их постановку шла упорная и мучительная борьба.

Гюго-романист, глава прогрессивного романтизма, начинал, как это ни странно, совсем с других литературных позиций, с модных тогда романов «тайн и ужасов». Именно таким был его первый роман «Ган Исландец». Но затем Гюго нащупал свою форму и свой жанр. Первым истинно гюговским романом стал «Собор Парижской богоматери» (1831).

Другой знаменитый роман Гюго «Отверженные» (1862) горячо осуждал буржуазное хищничество, но в качестве борьбы с ним предлагал всего лишь моральное самоусовершенствование и всеобщее примирение классов. Лучшие страницы романа - схватка на баррикадах и бесстрашный малыш Гаврош.

Назовем еще несколько значительных романов Гюго: «Труженики моря» (1866), «Человек, который смеется» (1869) и один из последних романов «Девятьсот третий год» (1874).

Виктор Мари Гюго родился 26 февраля 1802 года в Безансоне. Отец Леопольд Гюго - офицер французской революционной армии, дослужившийся при Наполеоне до чина генерала. Мать Софи Требюше, как отмечает Моруа, «горячая вандейка, питавшая ужас перед деспотизмом Конвента». В браке родились трое сыновей, и супруги расстались. Виктор Гюго по существу воспитывался матерью и ее окружением. При его рождении будущий писатель казался очень хилым, и мало кто надеялся, что он выживет. Ошиблись: он выжил и стал гигантом литературы.

Виктор Гюго был младшим из сыновей и самым способным в ученье. Учился он в лицее св. Людовика. С юности беспокойный и открытый как восторгу, так и смятению. Все три брата - Абель, Эжен и Виктор сочиняли стихи. Но выделялся все же Виктор.

В 20 лет Виктор Гюго женился на возлюбленной подруге детства Адели Фуше. Свадьба состоялась 12 октября 1822 года в Тулузе в соборе Сен-Сюльпис. Невеста получила в приданое «две тысячи франков, мебель, одежду и деньгами». Бракосочетание было омрачено припадком буйного помешательства брата Эжена, который был также влюблен в Адель и впал в отчаяние. Он зажег у себя в комнате все свечи, как на свадьбе, и рубил мебель саблей. Его поместили в дом сумасшедших, где он провел остаток своей жизни.

Гюго много и плодотворно работал и быстро заслужил признание. Жюль Ренар отмечал: «Поразительная виртуозность Гюго не была помехой его гению». Отсюда многочисленные литературные призы и премии. Свои молодые годы Гюго прожил в нужде и поэтому придавал большую цену достатку. Одному из друзей он сказал: «Я хочу зарабатывать и тратить 15 тысяч франков в год».

К 30 годам Гюго из-за упорной работы и постоянной борьбы потерял свой победоносный вид и отяжелел. Его облик стал более царственным, чем воинственным; взгляд зачастую был задумчивым, обращенным внутрь.

В начале 1840-х Гюго считал, что место поэта - в стороне от общественной борьбы, но затем его душа потребовала битв, и он смело ринулся в борьбу. Революция 1848 года целиком захватила Виктора Гюго, он вступил в ряды защитников республики. Когда Луи Бонапарт 2 декабря 1851 года совершил государственный переворот и превратил республику во Вторую империю, Гюго мужественно разоблачал захватчика в печати и с трибуны Национального собрания. С годами он увлекся новой ролью глашатая свободы. Бывший роялист стал новообращенным ярым республиканцем. Будучи депутатом национального собрания, он защищал свободу от наступающей диктатуры. На заседании 9 июля 1850 года Гюго произнес пламенную речь, направленную против сторонников тирании: «Итак, подавление всякой мысли и всякого печатного слова, преследование газет и травля книг, подозрительное отношение к театру, к литературе, к талантливым людям, вышибание пера из рук писателя, убийство книгоиздательского дела - вот, что представляет собой ваш законопроект».

Публичная критика в адрес Луи Бонапарта грозила Виктору Гюго арестом, и он был вынужден уехать из Франции. С подложным паспортом на имя некоего Ланвена, наборщика типографии, «сорока восьми лет от роду, рост - 170 см, волосы - седеющие, брови - темные, глаза - карие, борода - седеющая, подбородок - круглый, лицо - овальное», Виктор Гюго сел в поезд и отправился в Бельгию. Ну, а далее Гюго поселился на Нормандских островах, сначала на Джерси, потом на Гернси. В изгнании писатель много работал и издавал свои книги, в том числе роман «Отверженные», в котором выразил протест против безжалостной капиталистической системы.

На родину Виктор Гюго вернулся в 1870 году после падения режима Наполеона III. Призывал французов к активному сопротивлению пруссакам и даже записался в Национальную гвардию. Не понял значение Парижской коммуны, но осудил версальских палачей и некоторым коммунарам предоставил свое убежище. Продолжал писать стихи и романы и упорно считал, что человечество неодолимо движется от мрака к свету.

Отменный организм Виктора Гюго стал сдавать, и он начинает думать о вечности. Пишет завещание: «Оставляю 50 тыс. франков бедным. Хочу, чтобы меня отвезли на кладбище на катафалке для бедняков. Отказываюсь от погребальной службы любых церквей. Прошу все души помолиться за меня. Верю в бога. Виктор Гюго».

18 мая 1885 года Гюго заболел воспалением легких. 22 мая он скончался в своем парижском доме. Последними его словами были: «Вижу черный свет». «В тот час, - отмечал Ромен Роллан, - когда старый бог расставался с жизнью, в Париже бушевала буря, гремел гром и падал град».

Виктор Гюго прожил 83 года. Его похороны вылились в событие национального масштаба. В книге «Олимпио» Андре Моруа пишет: «Двенадцать молодых французских поэтов составляли почетный караул. Вокруг Триумфальной арки повсюду - на улицах, в домах - тысячи людей читали вполголоса его стихи; как шелест, слышались строфы, строки и отдельные слова. «Главное - слова, слова, слова! Ведь в них были его честь, его сила, ведь Гюго возродил французское слово». Да, он, Гюго, был мастером, знатоком французского слова, но у него был еще и другой, более блистательный титул - знаток человеческих чувств. Он лучше других воспел то, что испытывали все: скорбь, которой родина чтит своих погибших сынов, радости молодого отца, прелесть детства, блаженство первой любви, долг каждого перед бедняками, ужас поражения и величие милосердия».

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.

Откровения великого мечтателя

кино

О кинорежиссере Бернардо Бертолуччи у нас заговорили в 1970-е годы, с выходом в советский кинопрокат фильма «Конформист». Перемонтированная для «лучшего» понимания сюжета и даже лишенная цвета картина недвусмысленно заявляла, что на мировом «кинонебосклоне» появилась новая, мощнейшая звезда. Сложный поэтический киноязык, подчас провокационность, изощренность стиля и густая метафоричность его работ даже привели к возникновению иронического новояза - «забертолуччить» (по аналогии с «зафеллинить»). То есть предложить неискушенной в психоанализе, философии экзистенциализма и прочих буржуазных «измах» аудитории вершины авторского мирового кинематографа, рассчитанного как минимум на думающего и образованного человека. С тех пор каждая новая работа маэстро - это всегда ожидаемое событие, его фильмы завораживают, эпатируют, удивляют и восхищают десятки миллионов поклонников великого чуда кино.

Творческий метод **Бернардо Бертолуччи** приоткрывается в сборнике статей **«Мое прекрасное наваждение.** Воспоминания, письма, беседы 1962 - 2010», вышедшем в **издательстве «Колибри»**, перевод с итальянского Татьяны Риччо. Нельзя сказать, что Бертолуччи не общался с прессой на протяжении своей кинематографической карьеры, совсем даже наоборот, он много писал для журналов, делал заявления, давал интервью, имел активную гражданскую позицию.

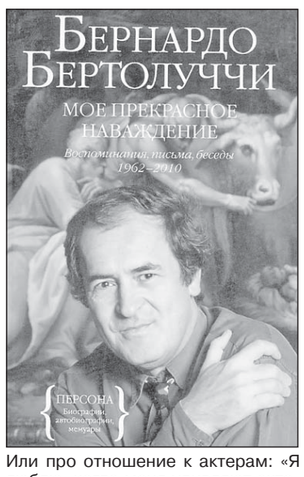
Просто впервые собранные воедино разнородные материалы обретают силу всеобъемлющего исторического документа, творческого и жизненного манифеста. Сборник можно трактовать и как справочное издание «Все, что вы хотели знать о том, как делается интеллектуальное кино» и даже «Кто есть кто в европейском кинематографе», настолько он насыщен фактами, именами, пояснениями. Идея оформить публицистическое и эпистолярное наследие Бертолуччи в книгу принадлежит Фабио Франчоне и Пьеро Спила. Они подметили и обыграли то, что он «демонстрирует потрясающую интуицию и способность к анализу» и «его строки легки и воздушны, в словах и фразах - богатство отзвуков и ощущений». Последняя фраза как будто из рецензии на стихи. Впрочем, все с них и начиналось.

Сборник предваряется небольшой автобиографией, в которой маэстро рассказывает о своем детстве, о том, как он увлекся поэзией, как увлечение переросло в страстную любовь к кино. Сам режиссер говорит, что он снимает в стихах: «Монтировать кадры в эпизод - это как нанизывать слова в строфу».

Книга имеет три раздела: «О моих фильмах», «Учителя и попутчики» и «Если бы я был кинокритиком», а также отдельно выделенные беседы с критиками, кинорежиссерами по вопросам кинопроизводства, в том числе и о киномузыке и музыкальных предпочтениях.

Раздел первый. Поскольку фильмы маэстро всегда вызывали неоднозначную трактовку, подчас были трудны для мгновенного восприятия, особый интерес представляет авторское видение картины. Проще говоря, зрителю необходим ответ на вопрос: что режиссер хотел сказать тем или иным эпизодом или фразой? Однако в своих статьях Бертолуччи не стремится выразить смысл фильма, подобно учителю, дидактично объясняющему принцип действия рычага. Он предпочитает рассказы о «чувствах, из которых они родились, о побудительных мотивах, заставивших его приступить к созданию картины».

Вдумчивому читателю, заодно знакомому с программными фильмами, такими, как «Конформист» и «Последнее танго в Париже», этих образных и эмоциональных признаний будет достаточно, чтобы ясно представить творческое кредо маэстро. Например: «В кино я особенно люблю время и свет».



Или про отношение к актерам: «Я люблю, когда меня удивляют актеры, так же как, когда удивляет реальность». На этом фундаменте, вообще говоря, и построены все его фильмы. Вот так просто и емко он умеет объяснять.

Раздел второй. Посвящен предпочтениям в искусстве, учителя его общеизвестны, это Пазолини и Годар, но с большим уважением Бертолуччи называет еще десятки имен режиссеров, в какой-то степени повлиявших на мировоззрение или чем-то поразивших. Причем рассказывается коротенькая история, характеризующая человека как бы одним штрихом, но очень наглядно, «выпукло». Такая способность Бертолуччи находит свои корни в его давнем увлечении психологией.

Раздел третий, где Бертолуччи выступает в роли кинокритика. Позиция его здесь оригинальна - он не ругает и не критикует. Пишет только о том, что лично нравится, «что его удивило или потрясло, об экзистенциональных воспоминаниях и ощущениях, вызванных собственными фильмами или фильмами любимых режиссеров».

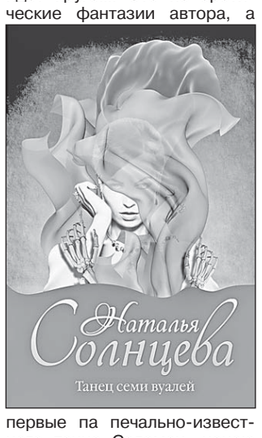
Несомненно, Бернардо Бертолуччи - всесторонне одаренная личность, но для нас его талант мечтателя - самый главный.

Александр ПЛЕТНЕВ.

впечатления

Не логика — любовь

Когда из полумрака храма, окутанная вуалями и дымкой благовоний, выступает полуобнаженная танцовщица... - сердце замирает, а голова идет кругом. Это не эротические фантазии автора, а



первые па печально-известного танца Саломеи, ценою которого была голова Иоанна Крестителя. Что это - месть, отчаяние, прихоть?.. Трудно судить историю. Еще труднее понять поступки библейских героев.

Новая книга **Натальи Солнцевой «Танец семи вуалей» (издательство «АСТ»)** - это своеобразная попытка познать непостижимое - женскую суть. Словами о женщине не расскажешь, внешность часто обманчива, обещания порою неискренни. Что же тогда остается? Танец. Абсолютно другой мир пластики, жестов и безмолвных признаний.

Роман - это танец трех женщин: Саломеи, Иды и Айгюль. О коварстве первой наслышаны. Кто же вторая? Ида Рубинштейн - ядовитый цветок роскоши и страсти. Знаменитая актриса начала XX века оставила «без головы» тысячи мужчин. Ее боготворили поэты, художники, банкиры, политики и восторженная публика. А кто же третья, Айгюль? Диковинная райская птица, экзотическая танцовщица, заблудившаяся на улицах современной Москвы и в переулках собственных страхов. Испуганная женщина обратилась за помощью к модному психоаналитику. И что же? На первом сеансе тот «потерял голову». Шехерезада ослепила его и усыпила своими речами... Наследие предшественниц дало свои плоды. Головы, головы, головы... Урожай невидимых сражений. Неужели это и есть женская суть - демоническое начало, прикрытое вуалями наивности, робости и заботы? Или наоборот, ранимость, завуалированная неприступностью? Сплав любви и бездны, неподвластной уму. Авторские завязки сюжета тоже не поддаются логике. Казалось бы, что общего между иудейской царевной и убийствами девушек в Москве, парком «Царицыно» и дворцом галилейского правителя? В книгах Солнцевой нет привычных рамок реальности. Они выводят читателя за орбиту обыденности и позволяют ощутить вкус эпохальных приключений. Когда еще удастся прогуляться по улочкам древней Галилеи или заглянуть в парижский театр 20-х годов прошлого столетия, где блистала непревзойденная Ида. Множество украшений на ней сияли ярче софитов сцены. К слову, Ида носила бриллианты даже на пальцах ног!

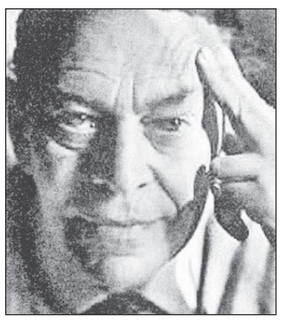
Чтобы понять кого-то, надо облачиться в его «одежды». А понять женщину... Разве это возможно, если «с женщинами спорить бесполезно. Их нужно выслушивать, целовать и извиняться. Виноват не виноват - какая разница? Женщины не ищут логики, они ищут бесконечных подтверждений любви». Может сложиться мнение, что новый роман предназначен только для женщин. Отнюдь! Мужчины, читайте «Танец семи вуалей» и берегите головы!

Нина ГУЩИНА.

силуэты

Иштван Эркень и однорукий скрипач

В апреле исполнилось сто лет со дня рождения замечательного венгерского писателя Иштвана Эркеня (1912 - 1979). Он приобрел мировую известность, прежде всего своими пьесами «Кошки-мышки», «Семья Тотов», «Воронеж» и другими. Однако его проза тоже заслуживает самого пристального внимания. Повести «Выставка роз», «Царевна иерусалимская», «Сибирская куница», короткие рассказы и «рассказы-минутки», - это очень высокая ступень в искусстве европейской прозы XX века. Но главное - это читаемая проза! Над ней продолжают смеяться и плакать, ее берут собой в дорогу. Чем не вечная жизнь для писателя?



Странное дело! Когда-то давно я прочитал и сразу запомнил короткие рассказы, а потом и впечатляющий роман «одного венгра»... Но вот имя его запамятовал. Обычно бывает наоборот: ты много слышишь о писателе, его хвалят твои друзья, поносят недруги, почем зря «пинают» критики, - словом, все предрешено: писатель этот обречен и на прочтение, и на доброжелательное мнение о нем.

Прочитав в середине 1980-х «Путь к гротеску» и «Выставку роз», я, конечно, сказал сам себе: «Ого!»

И было отчего.

Пряная, остро-угловатая проза, с небывалым, словно бы подсмеивающимся над самим собой лиризмом, с парадоксом, заключенным внутри чуть ли не каждой фразы, - долго не выветривалась из головы. Но потом, как водится, и сам писатель, и его проза подернулись туманом, забылись.

Вспомнился «чудный венгр» лишь через несколько лет, и вспомнился по меньшей мере дважды.

В первый раз - когда автор этих строк вдруг почувствовал себя эдаким одноруким скрипачом.

Я долго играл на скрипке, потом неожиданно начал писать стихи. А потом... Вот именно во время этого «потом» мысли о собственной «однорукости» и стали чуть ли не ежедневно в мой мозг проникать. Мне явно не хватало еще одной руки! Я долго думал, что бы такое я этой неработающей рукой мог по-настоящему делать?

Так ничего и не придумав, я на какое-то время успокоился, а затем - и снова внезапно - стал безостановочно писать прозу.

Правда, слегка переведя дух, стал помаленьку прикидывать: а как ее, эту самую прозу, писать дальше, когда пройдет первый запал? Как, для кого, зачем?

Тут стали вспоминаться предшественники.

Вспоминались-то многие, но из всех из них тогда реально помогли, на что-то натолкнули, от чего-то остерегли только Чехов и «тот самый венгр». Их рассказы, печально-смешные, до боли сжатые, иногда перебрасывающие едва ощутимый мостик от стиха к прозе - были свежей всяких теорий, лучше назиданий и поучений.

Некоторое время спустя стал писаться и мой первый роман. И здесь опять - словно по волшебному телеграфу - мне было прислано ясное, почти фотографическое воспоминание о «Выставке роз».

Тут надо сказать: мой собственный роман и задумывался, и писался как роман мистический, - бессмертие души, посмертные мытарства, «высокое небо», «низкий воздух»... И многое другое из того же ряда. Однако сквозь все эти «небесные восхищения» и возвышающие душу гимны мне чудилась какая-то улыбка, веяло странноватым и, может статься, не вполне уместным в трагедиях - ироническим лиризмом.

К этому моему роману больше всего как раз подходила интонация, которую я когда-то подметил у писателя, написавшего «Выставку роз». Конечно, чужая интонация в моем сознании была сразу же переиначена в свою, она сильно изменилась, как следует деформировалась...

Наконец - вслед за интонацией - вспомнился и сам писатель. Вспомнилась его фотография. Руки в мелких морщинках говорили о том, что он не пренебрегал черной работой и незначительными, даже мельчайшими подробностями своего дела. Лицо - в морщинах глубоких и резких - говорило о том, что крупные и даже тяжелые мысли редко покидали писателя.

Тут подоспело и само писательское имя.

Эркень! Конечно же! По-другому звать его не могли.

(Не переменил я мнения о фамилии писателя и после того, как узнал: первоначально слово «Эркень» означало всего лишь название населенного пункта, взятого отцом писателя в качестве новой, более благозвучной фамилии. Ну и что? Подумаешь! У нас тоже есть своя писательская топография: тут тебе и Замоскворецкий житель и Петербуржец, и Ширяевец, и все Сибиряки с Даурцами).

С тех пор Иштван Эркень вспоминался часто. А вскоре появилось и предложение опубликовать его книгу.

- «Народ лагерей», так называется это произведение Эркеня, - сказала милейшая переводчица, - книга, кстати, никогда в России не издавалась.

Я чуть пригорюнился, но стоически приготовился - ради крепнущей день ото дня любви к венгерскому писателю - прочесть что-нибудь громоздко-обличительное, что-то бесконечно-объемное (был уже приучен отечественными публицистами, зачем-то выдававшими себя за полновесных писателей).

Однако и в этой социографической книге я, к радости своей, узнал все того же Эркеня. Нет-нет! Где надо, книга была и серьезной, и поучительной. Скрытое и открытое обличение в ней тоже присутствовало. Но сквозь все это пробивалось нечто до того неожиданное, что пришлось снова задуматься: что же именно?

А вот что.

К лагерной теме нам в России, ясное дело, не привыкать. Однако здесь было нечто иное. Были не просто заявленные самим писателем в предисловии социографические очерки (социография часто пуста, статична, поверхностна), - была отпечатавшаяся на решетках и проволоках лагеря, и как раз этими самыми решетками четко структурированная - человекография.

Уже в самом начале книги - как в генерал-паузе после интродукции в хорошей сонате - ясно, к моей радости, прозвучало онемение Эркеня. Нельзя сказать, что он попал из огня да в полымя: германо-арийский лагерный огонь и дым - это вам не скучноватый советский лагерь с библиотеками, самодеятельностью и прочими субпродуктами слабовато утвердившего себя социализма. Онемение было вызвано другим: лагерь спервоначалу стал потерей самого себя, потерей памяти, вообще потерей всего человеческого: любви, иронии, свободы.

Вскоре, однако, это онемение стало озвучиваться естественным, а не вымученным слогом и стилем: нисколько не осознающим «грандиозности задач», никак не желающим чувствовать псевдо-пророческое натяжение прозаических строп и строк.

Но как раз так - таким манером, такой ухваткой - жизнь и проникает в стиль, да попросту въедается в него!

Именно этот стиль, стиль ранней и вроде не предполагавшей особой художественности книги и определил, мне кажется, писательскую судьбу Иштвана Эркеня.

В чем же его писательские особенности, в чем писательская удача?

Все и всегда начинается с малого.

Стоит только точно о чем-нибудь узнать, а затем посмотреть на узнанное собственным взглядом, стоит только произнести незлобиво, с открытой улыбкой, а главное, со «своей» интонацией, на своем личном языке, напитавшемся, словно молоком матери, югом или севером, городом или предместьями, несколько слов, - и подготовка к «овеществлению» стиля началась! Стиль, конечно, еще не готов, но он правильно начат и устремлен правдиво...

Но у Эркеня обнаружилось и кое-что другое.

В книге «Народ лагерей» сразу проглянула позднейшая эркеневская трагическая афористичность (особенно в таких главках книги, как «Ференц Пора и шмат сала», «Лодыри и работяги», «Король Котофей в Киеве», «Сердце бьется чаще»). Ну а трагической афористичности вдогон вас окатывала то в меру колкая, то довольно пекучая волна лирического гротеска.

Лирический гротеск - вот что такое был весь сгусток современного мира для Эркеня!

«Чудный венгр» был «страшно далек» от громыхавшего тогда в Европе гробовыми костями и детскими погремушками абсурда. Еще дальше - от наплывавшего в те же годы на Венгрию туповатого соцреализма. Зато он был очень близок к пониманию человека как такового, к пониманию его нынешнего положения на земле.

Вверх ногами - вот как, по Эркеню, ходит, висит, а потом снова ходит современный человек!

Хотя нельзя не заметить: недостаточно перевернуть перед собой человека вверх ногами, чтобы потом над этим смеяться и плакать. Однако этого вполне достаточно, чтобы понять: частенько постаивая на голове, современный человек не хочет при этом даже улыбнуться, глянув ненароком в зеркало на такое свое положение.

Может, поэтому Иштвану Эркеню, с его стилистически-корневым пониманием людского племени в какой-то миг удалось то, что мало кому удавалось в те годы и в Европе, и в России: заметить микроскопическое, атомарное! Всюду-то он замечал человеческое, мало видел громадного, не шарахался от техники, но и не пел ей дифирамбов, не искал вымученных писательских поз и нарочитых экзистенций. И все, наверное, потому, что в крови у Эркеня сталкивались, бурля, две волны: древне-мудрая, еврейская притчевость и танцевально-напевная, совсем недлинная, но от этого не менее впечатляющая венгерская эпичность.

Кстати, это удивительно почувствовали в МХТ имени Чехова, где «Кошки-мышки» - притча о старости и смерти, о любви и безлюбии, идет под все убыстряющийся, заворачивающийся тугой спиралью «Венгерский танец» №1 Иоганнеса Брамса. Под искрометный танец - в кошки-мышки со смертью. Под венгерскую пляску - в кошки-мышки с жизнью, с людьми, с иностранцами, с веселыми и унылыми согражданами! Вот это пьеса, вот это игра!

Но вернемся к «Народу лагерей».

Вернемся потому, что некоторые писатели все еще продолжают зверски эксплуатировать, как золотоносный участок или алмазную трубку, эту болезнетворную и вовсе не сводящуюся к оппозиции правые - виноватые, лагерную тему.

Не таков был Достоевский. Не таков и совсем не похожий на Федора Михайловича Иштван Эркень. Сам того до поры до времени не подозревая, он в своих социографических очерках стал значительно большим художником, чем те, перед кем неизвестно кто и неизвестно зачем ставил «преогромнейшие» задачи.

Война и лагерь сделали Эркеня отзывчивым, добросердечным. Они же дали ему понять: обличительность - иногда лишь вздорная черта характера, лишь несытая гордыня, от которой каждому художнику следовало бы избавляться как от гниющих гланд.

Война оглушила и обеззвучила Эркеня. Лагерь сделал его немым, а затем дал ему блеск стиля, сдержанность афористики, печаль гротеска.

А теперь самое время - назад, к началу заметок.

Все, что делаешь, надо делать двумя руками!

Однорукие скрипачи (а равно и однобокие циники, одноухие музыковеды, однотемные обличители) уйдут бесследно.

Музыку времени, его гибкую повествовательную стихию можно ухватить и заставить звучать только двумя руками. А затем, часто посмеиваясь, редко всхлипывая, зная и всю мировую правду, и ее детали, иногда подглядывая из грота за тремя купающимися нимфами: нимфой замысла, нимфой слога и нимфой смысла - занести эту музыку на шершавые, не до конца обработанные Создателем доски судьбы, на клинописные дощечки, на другие носители текста или звукозаписывающие устройства.

Бережно занести и аккуратно! Как это сделал неповторимый венгерский писатель Иштван Эркень.

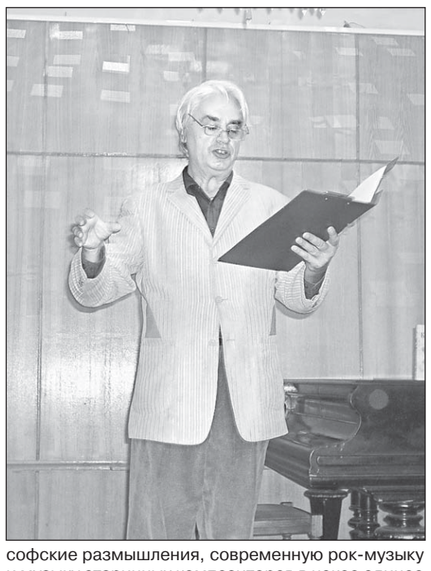
Борис ЕВСЕЕВ.

Власть музыки и мелодия слова

вечер

В Чеховском культурно-просветительском центре, в клубе «Классики XXI века», состоялся творческий вечер лауреата Бунинской и Горьковской премий, дважды финалиста премии «Большая книга» и премии «Русский Букер» Бориса Евсеева.

На вечере известный писатель представил свою недавно вышедшую книгу «Красный рок» (издательство «Эксмо»). Причем сделал это в необычном формате. Евсеев весь вечер провел сам, удачно скомпоновав куски текста из книги, философские размышления, современную рок-музыку и музыку старинных композиторов в некое единое целое. Получился своего рода моноспектакль.



Борис Евсеев - один из самых талантливых и самобытных прозаиков современности. Его проза нетривиальна и лирична, а гротеск в ней смешан с точными наблюдениями и деталями. Порой автор поднимается до мощных философских обобщений, порой низвергает нас в бездны страстей и пороков. И поэтому самыми важными оказались мысли мастера о России, о музыке и литературе, о соотношении музыки и политики, об «одухотворенном окультуривании» всех сфер нашей непростой сегодняшней жизни.

Строки из повести «Черногор» о великом итальянском композиторе Джузеппе Тартини переплетались с монологами контуженного на итальянской базе Авиано ракетчика, а размышления уволенного из Кремля сокольничьего Ходынина - с текстами современной рок-музыки.

В книге три повести. Две из них - «Красный рок» и «Черногор» - написаны в прошлом году. Но Евсеев не обошел вниманием и третью свою повесть, «Юрод», уже хорошо известную поклонникам творчества писателя.

Свежо и необычно прозвучало на вечере то, что недавно написал о «Юроде» в своей книге «Язык, канонизация и святое безумие» профессор Стокгольмского университета Пер-Арне Бодин:

«В повести Евсеева осмысливается юродство нашего времени и критикуется постсоветское российское общество, которое, - как утверждается в повести на уровне обобщения едва ли не шекспировского размаха, - наводнено скорее заурядным умопомешательством, нежели божественным безумием. Повесть предлагает психологическое истолкование юродства и помогает вскрывать вопросы исторических судеб России».

Исторические судьбы русской и российской культуры - истолковывал писатель и на вечере в Чеховке! Словом, было интересно, как редко когда бывало!

Подобно музыкальному произведению, - то быстро и горячо, то медленно и спокойно, - повествовал Борис Евсеев о непростых взаимоотношениях человека и власти, музыки и слова в нашей стране.

И хотя в прессе книгу «Красный рок» уже назвали «трехчастной симфонией», нам, студентам и музыкантам-студийцам, было приятно в этом убедиться самим!

Сергей ПЕТРОВ.

Есть смысл подумать

новинки

В **издательстве «Эксмо»** вышла сенсационная книга **Джонатана Сафрана Фоера «Мясо. Eating Animals»**. Она - о мясе, автор приводит огромное количество шокирующих фактов о его промышленном производстве. Как тут не вспомнить предупреждение: не бывайте на мясоперерабатывающих производствах, не смотрите, как делаются деликатесы. Книга Фоера - в этой теме. Он, автор мировых бестселлеров «Полная иллюминация» и «Жутко громко, запредельно близко», получивших престижные литературные награды и переведенных на десятки европейских языков, не одержим вегетарианством. И вовсе не призывает раз и навсегда отказаться от мяса в пользу морковки и капусты. Фоер лишь предлагает на минутку задуматься о тех вещах, о которых принято не думать.

Откуда мясо появляется на наших столах? В каких условиях содержали курицу, ставшую вашим ужином? Что приходится пережить животным, прежде чем их мясо оказывается на магазинных прилавках? Отчего нередки случаи откровенного садизма среди людей, работающих на бойнях? Есть ли альтернативы жестокому обращению с животными в условиях массового производства?

Джонатан Фоер раз и навсегда решил для себя эти вопросы. Стараясь во всем добираться до самой сути, он провел полномасштабное исследование, охватывающее все этапы производства мяса, как в промышленных, так и в более скромных масштабах. Увы, многие открывшиеся факты могут шокировать даже самых стрессоустойчивых мясоедов.

Несмотря на то, что сам Фоер после написания книги стал убежденным вегетарианцем, он предлагает неравнодушным людям и менее радикальные способы действий. Альтернативой ужасам промышленного производства может стать возвращение к более гуманным видам животноводства. Например, в книге приведен рассказ о ранчо, хозяйка которого - вегетарианка. Они с мужем обеспечивают животным достойную жизнь и легкую смерть, без излишней жестокости. К сожалению, таких примеров можно насчитать лишь единицы.

Вера БЕЛОВА.

Измерения жизни

пережитое

Подавляющему большинству Александр Городницкий известен в качестве барда. Песни, написанные им на Крайнем Севере и в дальних океанских плаваниях, пользуются широкой популярностью до сих пор, некоторые даже считаются народными. Например, «Снег», «Песня полярных летчиков», «Перекаты», «На материк», «Жена французского посла», «Чистые пруды» и многие другие. Песня «Атланты», занявшая первое место на Всесоюзном песенном конкурсе в 1966 году, стала легендой для десятков миллионов поклонников авторской песни. Но авторская песня лишь одно из измерений жизни Городницкого, он - главный научный сотрудник Института океанологии, побывал в многочисленных экспедициях в самых разных точках планеты, спускался под землю и под воду.

А еще Городницкий очень интересный поэт. Способный, кроме текстов для песен, писать самодостаточные стихи, которым не требуются гитары и тянущего ноты голоса (сколько бы наши барды ни заявляли, что они исполняют под музыку стихи, все-таки подавляющее большинство их песен можно только слушать). Все эти измерения жизни **Александра Городницкого** и отражены в книге мемуаров **«Атланты держат небо» (издательство «Эксмо»)**.

Читать эту книгу без чувства зависти, которое вспыхивает постоянно, очень сложно. Вот, например, описывает Городницкий свои морские приключения и переживания во время экспедиций, тут же ловишь себя на мысли: «Эх, почему я не пошел в моряки или геофизики, как автор книги!»

Когда читаешь описание литературной жизни Ленинграда, в водоворот которой Городницкий попал еще в студенческие годы, зависть становится еще сильнее. Какая яркая и насыщенная литературная жизнь, оказывается, была в то время! Литературные группы, объединения, соревнования, конкуренция, вечера поэзии. От некоторых воспоминаний просто захватывает дух. Вот, например, литературный вечер, посвященный очередному номеру альманаха «Молодой Ленинград», на котором, кроме самого Городницкого, присутствовали Сергей Довлатов, Иосиф Бродский, Валерий Попов, Татьяна Глушко. И становится обидно, что сегодня, несмотря на полную свободу говорить, писать и читать что угодно, такой литературной жизни нет. Как шагреневая кожа, сжавшаяся до каких-то тусовок и презентаций, сегодняшнее литературное бытие кажется куда более скучным и однообразным, да и имен такого масштаба в нем уже нет.

В небольшом предисловии Городницкий пишет: «Это книга воспоминания, не о «себе любимом», а скорее о минувшей эпохе и о тех людях, с которыми мне довелось встречаться и без которых моя жизнь могла сложиться иначе». Действительно, в отличие от подавляющего большинства других мемуаристов, Городницкий пишет не только и даже не столько о себе, но о времени, точнее даже временах, в которых ему довелось жить. Воспоминания автора не сосредоточены на нем самом, кажется, ему куда интересней рассказывать о той жизни, которая была вокруг него, которая отразилась и сохранилась не только в воспоминаниях, но и в стихах Городницкого. А стихи здесь присутствуют почти на каждой странице. Как будто сами собой, они вытекают из жизни автора, словно являются ее органической частью, придавая ей дополнительное измерение. Стихотворное.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

переводы

Стратегия выбора

Анализ поведения индивида в экстремальной ситуации дает самое яркое раскрытие его характера и дотоле скрытых сил. Достаточно банальное утверждение, но литература жанров «экшен», триллер, детектив базируется именно на нем. Людей всегда притягивают истории о сопротивлении самому бесчеловечному, разрушительному насилию, о сильных духом героях, их трудных победах и достойных поражениях.

Эта вечная тема обыгрывается в романе **«Вся жизнь перед глазами»**, вышедшем в **издательстве «Иностранка»**. Он принадлежит перу американки **Лоры Касишке**, перевод Елены Исаковой. Книга послужила литературной основой для фильма режиссера Вадима Перельмана «Мгновения жизни» с блистательной Умой Турман в главной роли. Не вдаваясь в его художественные достоинства, отметим, что книга имеет отличия от экранной версии. В частности, по убедительности подачи идеи первоисточник стоит выше, в угоду коммерческим голливудским стандартам изменены возраст героев и некоторые другие существенные подробности.

Две подруги оказались вместе в школе в тот момент, когда психически неуравновешенный подросток из их класса устроил стрельбу по учителям и соученикам. Это была месть, что его

никто не замечал как личность. Психопат предложил девушкам самим выбрать, кому остаться в живых, но одну он обязательно должен застрелить. Это самый трагический выбор в жизни, который предстоит им сделать, ведь можно только сказать «Застрели меня» или «Не убивай меня! Убей ее», третьего не дано. И как существовать после всего случившегося, возможно ли счастье выжившего? Далее в повествовании временной скачок - Диане, героине романа, сорок лет. У нее семья, любящий муж, дочь, собственный дом, работа и независимость. Внешние атрибуты счастливой семьи налицо, но в душе Дианы полный разлад. Липкая атмосфера всепроникающего страха, скрытых и явных угроз, неприкрытой ненависти разрушают ее психику, вынуждают терять контроль над собой.

Дело довершают страшные сны героини, видения, предчувствия, неотступно преследующие воспоминания, все это предвещает очередную трагедию. Объяснить с точки зрения рациональной логики происходящее с ней невозможно. Здесь какая-то тайна, но в чем же дело?

Роман Лоры Касишке имеет общие точки соприкосновения с двумя значительными произведениями американской литературы, давно ставшими ее классикой.

Первое произведение, роман Уильяма Стайрона «Выбор Софи». В фашистском концлагере молодую польку Софи заставляют сделать выбор, не укладывающийся в человеческие рамки. Она должна решить, кто из двух ее детей останется жить, а кто должен умереть. Софи выжила, но память уже никогда не даст ей покоя. Всю последующую жизнь в благополучной Америке она будет пытаться искупить свою вину за этот принудительный выбор. Но все бесполезно - себя не обманешь. Не выдержав ужаса пережитого, женщина добровольно уходит из жизни. Это ее выбор, единственно возможный выход из сложившейся ситуации.

Второе произведение, рассказ Амброза Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей». Здесь казнят пойманного разведчика. Его вешают, веревка обрывается, он попадает в воду, убегает от преследователей и чудом добирается до дома. Но, как оказывается в конце повествования, все эти картины ему только привиделись в последние секунды жизни.

Роман Касишке, сочетающий в себе нравственную философию Стайрона и эффектность композиции Бирса, приобрел ошеломляюще злободневное звучание. Ведь такие чрезвычайные ситуации, увы, случаются все чаще... И главным вопросом, с каким роман обращается к читателю, будет: «А как бы ты лично поступил в подобном случае?» Какой ответ считать проявлением силы духа, а какой слабостью и склонением перед врагом и обстоятельствами? То, что перед нами ставят серьезнейшие нравственные проблемы, подсказывает род занятий мужа Дианы, он профессор философии (кстати, у Софи отец также преподавал эту науку). В числе его научных интересов указана проблема свободы воли. Которая как раз и определяется как возможность человека делать выбор вне зависимости от определенных обстоятельств. Отсюда и вытекают вопросы о моральной ответственности за свои поступки, пусть даже и совершенные под дулом пистолета. Диана также совершила свой выбор, а уж дать ему оценку - прерогатива читателя.

Александр ПЛЕТНЕВ.

проза

Кому подарить нежность

Ну, не бывает так, чтобы в центре Москвы голыми руками можно было открыть канализационный люк и упасть туда вместе с великим немецким писателем. Хорошо, упали. Но чтоб мент оттуда вытащил, услышав мат по-немецки? Пусть даже и так. Но я никогда не поверю, что лучше современной цифровой зеркалки со сменными объективами может быть пленочная leica - Leitz Camera инженера Оскара Барнака, сотрудника фирмы Эрнста Лейтца.

Я насчитал подобных писательских натяжек штук шесть в романе **«Нежность августовской ночи» Татьяны Трониной (издательство «Эксмо»)**.

С самого начала и до конца трудно понять, кто главный герой - Нина Сотникова, Глеб Мазуров, Евгения Торцова, Анатолий Полонский, Светлана Злобина.

Фигурируют еще галерейщик Айрат Тыклер и диггер Аким Петров, врач Рощин, любовник-невольник Валька, жена его Зина и трое их детей.

Местами кажется главным герой эпатажа некий немецкий писатель Фридрих Бергер с романом «9 евро», потом даже давно ушедший в небытье купец-миллионщик, замуровавший в дом свою неверную жену.

Я присутствовал на той пресс-конференции зарубежного писателя в том книжном магазине. Все не то и все не так, француз Фредерик Бегбедер написал высокохудожественный учебник по рекламе «99 франков», в котором девушка в мини-юбке снимает трусики и закидывает их в стиральную машину, чтоб там чужой мужик захлебнулся в мыльной пене. В романах нашей Трониной все мужики свои.

А вот по жизни - все правда. Ну, хотелось бы...

Дело не в персонажах, а «в том, что любовь была в тебе. Не важно даже к кому... Любовь всегда была в тебе, и это самое прекрасное чувство». «И это было ужасно - видеть, как твой муж целуется с другой...» «Ты что, думаешь, любовью можно любое скотство назвать?»

Залихватский роман кончается хорошо, зло наказано, и любовь торжествует.

Откуда ж тогда столь мрачное послевкусие, тяжелое, как похмелье?

Долго объяснять. Надо пережить. Роман не о том, что женщине нельзя верить, - это и так понятно, - он о нежности в тебе. И о поиске той, кому доверить нежность.

Лев МОСКОВКИН.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

«Центрполиграф»

Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. Проблемы истории, историографии и источниковедения. 479 с.

Колганов Владимир. Дом Маргариты. Московские тайны Михаила Булгакова. Серия «Москва и Подмосковье. История. Памятники. Судьбы». 364 с., ил.

Коровина Елена. Москва мистическая. Серия «Москва и Подмосковье. История. Памятники. Судьбы». 318 с., ил.

Майо Дамбиса. Как погиб Запад. 50 лет экономической недальновидности и суровый выбор впереди. Перевод с английского Т. М. Шуликовой. Вступительная статья С. П. Бараненко. 287 с.

Ямской Николай. Легенды московского застолья. Заметки о вкусной, не очень вкусной, здоровой и не совсем здоровой, но все равно удивительно интересной жизни. Серия «Москва и Подмосковье. История. Памятники. Судьбы». 400 с., ил.

«Текст»

Леклизо Ж. М. Г. Смотреть кино. Предисловие Ж. Жакоба. Перевод с французского и послесловие Д. Савостина. 174 с.

О'Брайен. Влюбленный Байрон. Перевод с английского К. Атаровой. 220 с.

Сунд Ларс. Один счастливый остров. Роман. Перевод с шведского Л. Стародубцевой. Серия «Первый ряд». 318 с.

Фалдбаккен Кнут. Поздние последствия. Роман. Перевод с норвежского Светланы Карпушиной и Анастасии Наумовой. 476 с.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 14 мая 2012 года, 6-я стр.

КНИГА В МОСКВЕ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Руководитель проекта Александр Егорунин
Макет: Оксана Мерзликина
Верстка: Светлана Калинина
Корректура: Ирина Кутина
Иллюстрации: Александр Акульшин
Телефон для связи: 8(499)259-10-15
e-mail egorunin@mospravda.ru